

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

SOCIO-DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF ECONOMIC DEVELOPMENT

Институциональные механизмы самоорганизации развития местных сообществ

Institutional Mechanisms of Self-Organization of a Development of Local Communities

DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-4-453

УДК 332.1

А. Г. Шеломенцев, Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск, Россия)

К. С. Гончарова, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

A. G. Shelomentsev, Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia)

K. S. Goncharova, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
(Ekaterinburg, Russia)

Как показала практика последних десятилетий, реализация определенных действующим законодательством и декларируемых органами власти моделей как местного самоуправления, так и фискального федерализма в значительной степени ограничивает возможности развития местных сообществ, ослабляя их влияние на социально-экономическое развитие территорий. В результате широкое развитие форм самоорганизации местных сообществ в последние годы приобрело проектный характер и стало их реакцией на существующие противоречия в этой сфере. Целью данного исследования является обоснование факторов и институциональных механизмов самоорганизации развития местных сообществ как способа адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям. Основными методами исследования являлись обобщение практики самоорганизации местных сообществ в России и за рубежом, а также институциональный анализ взаимодействия населения и механизма самоорганизации местных сообществ. На основе обобщения отечественной и зарубежной практики и в результате проведенного исследования обоснована тенденция расширения процессов самоорганизации местных сообществ; предложено понимание природы процессов, происходящих в местных сообществах, с учетом их сложности и многообразия; дано определение социального института самоорганизации; выделены основные факторы, иницирующие процессы самоорганизации местного населения; предложено понятие и роль явления аномии в процессе изменения институциональной среды; раскрыт имеющий проектный характер институциональный механизм самоорганизации местных сообществ; определена структура института самоорганизации местных сообществ. Дальнейшее развитие самоорганизации местных сообществ позволит эффективно решать социальные и экономические проблемы развития локальных территорий, вовлекая на проектной основе в этот процесс население и его ресурсы.

Ключевые слова: местные сообщества, муниципальные образования, самоорганизация, автономизированные финансы, финансирование социально значимых проектов, доверие населения

As a practice of recent decades has shown, an implementation of models of both local self-government and fiscal federalism, defined by a current legislation and declared by the authorities, significantly limit a development opportunity of local communities, weakening their influence on a socio-economic development of territories. As a result, a widespread development of forms of self-organization of local communities in recent years has acquired a project character and has become their reaction to an existing contradiction in this area. The purpose of this study is to substantiate a factors and institutional mechanisms of self-organization of the development of local communities as a way of adapting the population to dynamically changing socio-economic conditions. The main research methods were a generalization of the practice of self-organization of local communities in Russia and abroad, as well as an institutional analysis of the interaction of a population and the mechanism of self-organization of local communities. Based on a generalization of domestic and foreign practice and as a result of the study, a trend of expanding the processes of self-organization of local communities is substantiated; an understanding of a nature of a processes occurring in local communities, taking into account their complexity and diversity, is proposed; a definition of a social institution of self-organization is given; a main factors initiating the processes of self-organization of the local population are highlighted; a concept and role of a phenomenon of anomie in the process of changing the institutional environment is proposed; an institutional mechanism of self-organization of local communities, which has a project character, is revealed; a structure of an institute of self-organization of local communities is determined. Further development of self-organization of local communities will allow to effectively solving social and economic problems of a development of local territories, involving a population and its resources in this process on a project basis.

Keywords: local communities, municipalities, self-organization, autonomous finance, financing of socially significant projects, public confidence

Введение

Существующая в настоящее время в России система расселения исторически сформировалась во времена Советского Союза, а на фоне проводимых в последние десятилетия реформ претерпела значительные изменения. При этом население большинства малых городов после закрытия градообразующих производств оказалось без работы и было вынуждено мигрировать или адаптироваться к новым условиям. В это время органы государственной власти субъектов Федерации сосредоточивали свои усилия на принудительном объединении муниципальных образований (численность населения которых за этот период значительно сократилась), создании центров экономического развития, включая «свободные территории», «технопарки», «территории опережающего развития» и т. п., стараясь не замечать проблемы стихийной деградации территорий. Эти меры, как правило, преследовали, с одной стороны, получение экономии финансовых ресурсов (в том числе за счет сокращения количества школ, больниц и других объектов социальной инфраструктуры), с другой — привлечение национальных и иностранных инвестиций. Однако в подавляющем большинстве случаев это не решило проблемы и не остановило отток населения из депрессивных территорий в крупные города и дальнейшее обезлюдение территорий. Следует отметить, что в последнее десятилетие проблема малых городов практически ушла с повестки как политических, так и экономических дискуссий, а периодическое заявление федеральных органов власти о формировании крупных агломераций приводит к дальнейшей утрате понимания населением удаленных регионов государственной стратегии регионального развития.

Таким образом, реализация определенных действующим законодательством и декларируемых органами власти моделей как местного самоуправления, так и фискального федерализма на практике в значительной степени ограничивает возможности развития местных сообществ, ослабляя их роль в социально-экономическом развитии территорий, что одновременно обуславливает устойчивую тенденцию снижения доверия населения к органам власти. В результате развитие широкого круга форм самоорганизации местных сообществ в последние годы приобрело проектный характер и стало их реакцией на существующие противоречия в этой сфере.

Соответственно, целью настоящего исследования является обоснование факторов и институциональных механизмов самоорганизации развития местных сообществ как способа адаптации населения к динамично меняющимся социально-экономическим условиям.

В основе предлагаемого исследования лежит комплекс исследований, проведенных в районах Свердловской, Челябинской, Курганской, Архангельской областей и Пермского края, в частности: комплекс исследований по оценке социально-экономических процессов, происходящих в процессе ликвидации угледобывающих предприятий на территории Свердловской и Челябинской областей, проведенных в период 1996—2001 гг.; осуществление мониторинга социальных и экономических последствий, происходящих на территории Кизеловского угольного бассейна Пермской области в период после закрытия всех шахт в период 2002—2009 гг.;

комплекс исследований социальных коммуникаций населения, органов местного самоуправления и общественных организаций на территории Артемовского района Свердловской области в 2010 и 2014 гг.; оценка процессов развития потребительских кооперативов на территории Курганской области в период 2019—2020 гг.

Теория / методология исследования

В России в последние десятилетия формирование местных сообществ и развитие форм самоорганизации населения на территориях находится под жестким административным давлением со стороны региональных органов власти, поэтому их развитие сопровождается широким кругом требующих решения проблем, в том числе обусловленных последней реформой местного самоуправления [1—3]. В целом вопросы самоорганизации местных сообществ в отечественной и иностранной литературе раскрыты достаточно широко, но фрагментарно. Последнее обусловливается тем, что они часто представляются в виде конкретных реализуемых на территории социально значимых проектов (инициативного бюджетирования, строительства объектов инфраструктуры, реализации природоохранных мероприятий и т. п.). При этом к их анализу можно выделить несколько основных подходов, между которыми часто сложно провести строгую границу. В качестве основных из них, на наш взгляд, можно выделить поведенческий, институциональный, социокультурный, социоэкономический, исторический и инновационный подходы.

Как показывает опыт, основными направлениями реализации проектов развития форм самоорганизации местных сообществ, по нашему мнению, являются:

- развитие механизмов социальных взаимодействий местных сообществ с партнерами;
- управление и сохранение культурного наследия территории;
- реализация инновационных проектов в сфере образования, технологий, получения новых знаний;
- развитие различных форм социального и общинного предпринимательства;
- проведение мероприятий в сфере охраны окружающей среды, ликвидации последствий стихийных бедствий и адаптации к глобальному изменению климата;
- привлечение инвестиций, мобилизации ресурсов населения и финансовых расчетов.

Так, *проекты развития партнерских взаимоотношений местных сообществ* с неправительственными организациями в литературе анализируются в рамках поведенческого подхода с позиции социальных воздействий в контексте достижения социально значимых целей, в том числе охраны окружающей среды, благосостояния сообщества, самооценки и организационной эффективности и т. п. [4].

При этом взаимодействие сообществ с региональными университетами рассматривается с точки зрения способности участников (сторон) «осмысленно взаимодействовать, совместно реагировать на вызовы и совместно разрабатывать подходы» с целью удовлетворения быстро растущих потребностей сообществ, опираясь на инновационные модели [5].

Оценка механизмов взаимодействия местных сообществ с различными командами в процессе реализации инфраструктурных мегапроектов традиционно опирается на коммуникационный подход и концепцию «учета перспектив», позволяющие оценить специфические когнитивные атрибуты, экологические и социальные последствия, способы преодоления напряженности и обеспечение баланса стратегических интересов участников [6; 7], а также социальную ответственность [8].

Различным аспектам реализации проектов, связанных с развитием туризма, посвящено достаточно много работ. Так, с позиции социоэкономического подхода анализируются: восприятие местным сообществом перспективы развития туризма дикой природы, а также демографические последствия и выгоды (доходы, потребительские расходы), которые он приносит для местного населения и его жизнеобеспечения [9; 10]. При этом особое место в исследовании влияния различных видов туризма на местные сообщества в контексте самоорганизации занимают вопросы формирования коллективной собственности, создания общинных туристических организаций, моделей взаимодействия для повышения качества питания и образования, роста благосостояния и расширение прав и возможностей местного населения с позиции поведенческого и инновационного подходов [11; 12]. При анализе различных аспектов самоорганизации местного сообщества в сфере развития туризма с позиции социокультурного подхода оцениваются социальные последствия, включая его культурную и социальную сферы, в том числе возможности трудоустройства и развития собственного бизнеса для наиболее уязвимых групп населения — женщин, молодежи и этнических меньшинств, расширение экономических возможностей бедных слоев населения в странах с низким уровнем дохода, изменения образа жизни и т. п. [13; 14].

На базе интеграции социокультурного и институционального подходов анализируется роль «культурных рамок» местного сообщества, включая коллективные представления и ожидания, доверие к власти, а также воздействие на формирование, легитимность и эффективность институтов [15; 16], влияние процесса самоорганизации на развитие гражданского общества и принятие управленческих решений [17]. В этом плане некоторыми исследователями отмечается роль в местных сообществах реализации проектов социальных инноваций, которые позволяют учитывать их возможности и потребности разрабатывать стратегии, устанавливая вертикальные связи с государственными органами на региональном и национальном уровнях [18; 19]. Следует отметить, что социально-политический подход стал основным при исследовании различных аспектов саморазвития местных сообществ, в частности отношений с местными органами власти, чувства общности населения, доверия, роли СМИ [20].

В последние десятилетия появляются новые аспекты самоорганизации местных сообществ, в частности управление местными социальными знаниями, которые вписываются как в текущие процессы развития территориальных инновационных систем, наукоемких отраслей и образования, так и в разработку планов и стратегий технологического и экономического развития региона [21; 22]. Еще одним проектом является внедрение управления культурным наследием. При этом управление культурным наследием территории рекомендуется осуществлять путем широкого вовлечения в этот процесс населения [23].

В ряде работ анализируется влияние *общинного предпринимательства на состояние окружающей среды* с позиции исторического и социокультурного подходов, описываемых с помощью синтетической модели отображающей взаимосвязи между различными компонентами и факторами успеха экологических общественных инициатив [24].

Кроме того, роль предпринимательской деятельности в местном сообществе рассматривается как «взаимодействие между членами сообщества и внешними субъектами, способствует созданию рабочих мест, предпринимательской субкультуры, новых ролей и структур сообщества, а также формированию эффективной предпринимательской культуры сообщества и проявления предпринимательской инициативы» [25].

Отдельные работы посвящены проектам организации взаимодействия местного сообщества с крупным бизнесом, в частности с горнодобывающими компаниями, отработка которыми месторождений полезных ископаемых, с одной стороны, создает рабочие места и развивает инфраструктуру, с другой — оказывает влияние на окружающую природную среду. Поэтому важным аспектом становится формирование конструктивного диалога между местным сообществом и руководством горнодобывающих компаний [26].

В ряде исследований отмечают *проекты самоорганизации в сфере ликвидации последствий, вызванных стихийными бедствиями и опасностями*, в том числе засухами и наводнениями [27].

В последнее десятилетие появились исследования, касающиеся различных проектов, отражающих реакцию местных сообществ на глобальное изменение климата, в частности сценариев выбросов с учетом интеграции стратегий смягчения последствий и стратегий адаптации [28; 29]. Особое место в сфере самоорганизации местных сообществ занимают междисциплинарные вопросы экологической справедливости, обусловленные процессами глобального изменения климата и внедрения принципов низкоуглеродистой экономики с учетом понимания гражданами процессов изменения климата и связанных с этим новых ролей национальных государств [30]. Своего рода продолжением этих исследований является концепция местного и общинного развития (LCDD), реализуемая в области, с одной стороны, создания физической и социальной инфраструктуры, с другой — сокращения бюрократических барьеров [31].

Проекты самоорганизации в сфере финансов, как правило, связываются с деятельностью банков, а также с различными формами мобилизации средств граждан. В первом случае наиболее актуальными вопросами являются механизмы микрокредитования местного населения, а также его роль в развитии местного сообщества [32]. В качестве современных способов привлечения средств местного сообщества в решении вопросов местного значения рассматривается гражданский краудфандинг, спонсируемый и финансируемый местным правительством [33].

Таким образом, современные виды самоорганизации местных сообществ получили распространение в большинстве сфер жизнедеятельности населения, что привело к глубоким изменениям, во-первых, самих местных сообществ, включая отношения участников внутри них; во-вторых, их роли во взаимоотношениях с органами власти, предпринимательством; в-третьих, их адаптации к динамично меняющимся внешним условиям. Все это стало предпосылкой необходимости переосмысления этих процессов в контексте стратегического подхода к развитию территорий.

В связи с указанным была предложена концепция переосмысления, позволяющая охватить возможные сценарии трансформаций в виде своего рода матрицы, которую можно реконструировать с помощью анали-

за путей управления сообществом [34]. Эта концепция должна изменить представления о местных сообществах и формирование стратегии их развития.

Результаты исследования и их обсуждение

В последние годы условия жизнедеятельности населения стремительно меняются вследствие происходящих сложных социальных, экономических, культурных, политических и иных процессов, что закономерно приводит к трансформации его образа жизни и неизбежно сопровождается, с одной стороны, расширением разнообразия форм реакции поведения людей, с другой — их постепенным встраиванием в новую систему общественных ценностей и социально-экономических отношений. Поэтому мы можем наблюдать, как первый «культурный шок» [35] у большей части населения сменяется растерянностью, осознанием неизбежности и последующим поиском моделей адаптации к новой среде, отличающейся высокой неопределенностью, неоднородностью и рисками.

Таким образом, наблюдение в течение последних трех десятилетий за процессами социально-экономической деградации в ряде территорий Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской областей и Пермского края позволило нам выдвинуть гипотезу о том, что процессы самоорганизации населения на локальных удаленных от крупных городов территориях являются эффективной ответной реакцией на меняющиеся условия жизни, включая потерю рабочих мест, утрату традиционных источников доходов, «ломку» устоявшихся ценностей, которые стимулируют в сознании местного населения когнитивное противоречие, обусловленное отсутствием ожидаемой им «заботы государства», «социальных гарантий» и т. п. Это потребовало от населения переосмысления прежних представлений о роли государства в их жизнеобеспечении и обращения к коллективным формам поиска социальных проблем, с которым оно столкнулось.

Следует отметить, что процессы самоорганизации могут стихийно охватывать любую сторону жизнедеятельности населения, включая занятость, культуру, религию, образование, транспорт и т. п. При этом, как показывает наблюдение за процессами и тенденциями ряда депрессивных промышленных и сельских территорий Уральского региона, выживание и перспективы территории в основном зависят от способности и готовности местного населения к коллективному целеполаганию, основывающемуся на интеграции частных интересов и готовности к реализации коллективных инициативных проектов с целью решения общих проблем. Основу целеполагания здесь составляет рефлексия участниками местного сообщества ожидаемых результатов взаимодействия, объединяющей в себе мотивацию, опирающуюся как на частные интересы, так и на коллективные стратегические интересы членов сообщества. Ориентация на результат придает самоорганизации проектный характер, предполагающий определение общих целей и задач, институционального механизма их достижения, привлечение ресурсов и инструментов согласования интересов всех участников.

Причем механизм самоорганизации деятельности, основывающийся на системе коллективных ценностей, означает, с одной стороны, что каждый участник сообщества готов платить (либо нести определенные расходы или убытки) в обмен на выигрыш, получаемый сообществом в целом, с другой, в обмен сообщество определяет правила регулирования поведения участников, защищая интересы каждого из них по отношению к другим участникам сообщества и другим сторонам.

Результаты наших наблюдений позволили выявить следующие ключевые как внешние, так и внутренние *факторы*, инициирующие процессы самоорганизации местного населения:

во-первых, потеря работы значительной частью населения, например, наблюдавшаяся после массовых увольнений работников вследствие закрытия градообразующих угольных предприятий в Пермском крае, Челябинской и Свердловской области;

во-вторых, интенсивный отток населения с территории в другие регионы, обусловленный неблагоприятными условиями жизни населения, включая низкий уровень оплаты труда, неразвитость социальной инфраструктуры, безработицу, приток на территорию мигрантов из других стран и т. п., что происходит во многих городах Европейского Севера, а также сельских территорий среднего и южного Урала;

в-третьих, риск для жизни и здоровья населения или его традиционному образу жизни, вызванный неблагоприятным изменением окружающей среды, природными или техногенными катастрофами и т. п.;

в-четвертых, необходимость координации и кооперации деятельности в целях совместного решения общих проблем и задач, направленных на удовлетворение потребности местного населения;

в-пятых, инициирование органами государственной власти различных форм самоорганизации, включая кооперацию, организацию некоммерческих организаций, реализацию проектов инициативного бюджетирования и т. п.

Формирование сообществ предполагает ситуацию, когда ни один из участников, а также государственные органы и иные лица не могут повлиять на принятие решения, которые реализуются добровольно по согласованию сторон. В этом смысле экономическая свобода традиционно противопоставляется административным и иным решениям и ограничениям.

Местные сообщества при стихийном характере происходящих процессов обладают следующими особенностями:

- самоорганизацией путем расширения действующих и формирования новых соответствующих социальных норм и ценностей;
- стремлением к поддержанию постоянных коммуникаций между участниками [36];
- доминированием внутри сообщества отношений, опосредованных историей предшествующих отношений, установившимися традициями, личными отношениями и т. п.;
- расширением отношений с другими сообществами.

Эти особенности обуславливают проектную основу деятельности участников, несмотря на разнонаправленный характер их интересов. В результате в рамках проекта его участниками:

- устанавливается регламент взаимодействий с помощью норм-алгоритмов;
- определяются критерии удовлетворения их интересов на основе специфических норм-оценок;
- устанавливаются механизмы разрешения конфликтных ситуаций (через действующее законодательство и иные формы, например третейские суды и т. п.).

Эти свойства хозяйственных сообществ проявляются через формирование и развитие институтов, включающих нормы, ценности, роли и опыт взаимоотношений, вместе составляющих содержание проектного подхода, который может осуществляться широким кругом способов.

Как показывает практика, продолжительная *взаимодействие* субъектов социально-экономических отношений сопровождается формированием и осуществлением определенных регулятивных функций («правил поведения»), которые могут устанавливаться самими участниками. Содержание этих функций отражает конкретные социокультурные условия, исторические традиции, обычаи делового оборота и ориентированы на удовлетворение интересов участников на основе достижения общих целей. Как показывает опыт многочисленных посещений удаленных территорий, особенно ярко они проявляются в «чувстве общности» у населения небольших поселков в отношении друг друга, представителей интеллигенции (врачи, учителя), органов власти (местного самоуправления), в отношении к объектам культурного наследия (памятники воинам, погибшим во время Великой Отечественной войны, культовые сооружения), а также саморегулировании содержания коммуникаций (дороги, связь и т. п.) и природопользования.

Эти регулятивные функции выполняют соответствующие социальные нормы, под которыми мы будем понимать *конкретный порядок (форму) осознанного взаимодействия* участников.

Институты, регулирующие деятельность местного сообщества, включают: нормы коммуникации (взаимодействия); нормы действия (поведения); нормы целеполагания (интеграции интересов); нормы санкций. Кроме того, все регулируемые самоорганизацию нормы традиционно подразделяются на формальные и неформальные, которые в рамках проекта самоорганизации составляют одно целое, взаимодействуя между собой, дополняя и заменяя друг друга [37].

Социальные институты в рамках местного сообщества могут рассматриваться с функциональной и структурной точек зрения. Так, в структурном плане институты, например, могут быть представлены формами самоорганизации населения. С функциональной точки зрения институт предполагает набор ролей и систему санкций, обеспечивающих поощрение желаемого и подавление отклоняющегося поведения [38]. Таким образом, социальные институты позволяют участникам достигать своих целей и удовлетворять свои интересы через мотивацию, регулируя их поведение и согласовывая действия участников на основе консолидации. Более того, каждый участник сообщества проецирует свои действия на принятые в сообществе нормы и ценности.

Сама проектная природа самоорганизации местных сообществ, по существу, предполагает поливариантный характер поведения агентов. Поэтому является важным определить «амплитуду», или отклонение, поведения агентов от коллективных интересов в пользу частных, что на практике является результатом общего влияния одновременно множества факторов. Коллективная цель представляет собой своего рода систему координат для оценки поведения участников сообщества. Если цель соотносится с ценностями участников и характеризует их мотивацию, то сами нормы определяют признаваемые участниками рамки их поведения.

Следует отметить, что инициативное формирование институтов самими участниками обеспечивает согласование интересов субъектов, с одной стороны, и коллективных целей — с другой. Это может принимать

различные формы: от полного совпадения до полного несовпадения, что оказывает существенное влияние на эффективность институтов самоорганизации. Обязательность исполнения установленных норм в условиях несовпадения интересов субъектов и целей достигается неизбежным применением санкций в отношении соответствующих участников — членов сообщества.

Изменения внешней среды (условий), вызванные приведенными выше факторами, могут вести к изменениям или появлению новых форм самоорганизации, в том числе функций существующих социальных и экономических институтов, «отмиранию» последних и возникновению новых. Это зависит от осознания участниками происходящих изменений, глубины существующих противоречий и реальной воли субъектов. При этом осознанность и воля реализуются через экономические интересы, которые в целом составляют основу институционального механизма функционирования и развития форм самоорганизации [39]. Таким образом, под институциональным механизмом самоорганизации мы будем понимать форму взаимодействия участников, направленную на достижение целей сообщества. Как показывает опыт, несмотря на существующие различия по их пониманию различными участниками, в большей своей части оно должно совпадать. Проведенные в период с 2010 по 2020 г. опросы населения депрессивных территорий Курганской области, Артемовского района Свердловской и Архангельской областей показали высокую степень однородности видения существующих на территориях социальных и экономических проблем, а также направления и способы их решений.

На практике часто имеет место отставание развития институциональной среды от динамичных изменений в деятельности местных сообществ, в результате чего могут сложиться ситуации, когда формальные институты:

- не охватывают всего поля деятельности участников;
- неэффективны и нарушение содержащих их норм не сопровождается обязательным применением в отношении субъектов соответствующих санкций.

Такую ситуацию мы называем *аномией институциональной среды*¹. Размеры области аномии зависят, с одной стороны, от темпов, глубины и масштабов проводимых происходящих изменений и от динамичности и адекватности институциональных новаций — с другой. В этой ситуации деятельность участников может находиться вне регулируемого формальными институтами правового поля, при этом не вступать в противоречие с ним.

Следствием этого могут быть: во-первых, возникновение неформальных институтов, регулирующих свободную от правового регулирования область; во-вторых, конвергенция формальных и неформальных институтов в соответствующей области; в-третьих, введение санкций на игнорирование существующих формальных институтов.

В первом случае разрешение этой проблемы происходит путем самоорганизации участников сообщества постепенно, по мере выработки, согласования, признания и применения неформальных норм [40], а также придания им формы различных институтов.

Во-втором случае следует отметить, что область пересечения формальной и неформальной регламентации по мере развития хозяйственного сообщества постепенно расширяется, сокращая противоречия между ними и, более того, они постепенно начинают дополнять друг друга [41].

В третьем случае может иметь место рассогласованность применяемых моделей поведения, что ведет к возникновению конфликтных ситуаций между участником и сообществом. В результате внутренних конфликтов могут формироваться следующие варианты поведения: «подчинение» субъекта принятым нормам; отчуждение («протест») принятых норм; самостоятельные попытки скорректировать нормы.

Таким образом, проектная взаимодействие в рамках сообщества не носит стихийный характер, а приобретает формы осознанного, прогнозируемого коллективного и индивидуального поведения, опирающегося на такое же целенаправленное саморегулирование. Это обеспечивает устойчивость его функционирования и развития, а также адаптируемость внешним изменениям.

Указанное позволяет компенсировать имеющую место неэффективность существующих формальных институтов в результате расширения различных форм эффективного взаимодействия участников, что, в итоге:

- расширяет границы местных сообществ;

¹ *Аномия* (греч. *α* — отрицательная частица + *nomos* — закон) — состояние общества, «характеризующееся упадком норм, управляющих социальным взаимодействием». Ситуация отсутствия норм («безнормности») может возникать, когда старые нормы уже разрушены, а новые еще не сформировались. Впервые понятие было введено Э. Дюркгеймом в конце XIX столетия. Он писал: «Общее состояние дезорганизации, или аномии, усугубляется тем, что страсти менее всего согласны подчиняться дисциплине именно в тот момент, когда это всего нужнее».

- формирует новую систему взаимного контроля участников сообществ;
- определяет их взаимную заинтересованность и формирование соответствующих механизмов саморегулирования, в том числе «систему взаимных гарантий»;
- обеспечивает устойчивость их функционирования;
- удовлетворяет интересы участников.

Социально-экономический мониторинг муниципальных образований Кизеловского угольного бассейна Пермского края [42] и бывших угледобывающих территорий Свердловской области [43] позволил выделить следующие основные, на наш взгляд, *факторы*, оказывающие влияние на процессы самоорганизации местных сообществ:

- *сфера деятельности* и самоорганизации участников: потребительская кооперация, инициативное бюджетирование, взаимное страхование, строительство и т. п.;
- *местная культура* населения, его ментальность, национальные традиции, наличие прошлого опыта сотрудничества;
- наличие *поддержки* со стороны органов государственной власти и местного самоуправления;
- *число участников, их заинтересованность, мотивация, понимание* ожидаемых результатов.

С объективной стороны, любой участник, вступая во взаимоотношения с другими участниками, преследует вполне конкретные цели, обеспечивающие его предпринимательскую деятельность, повышающие уровень его жизни, снижающие риски, обеспечивающие какие-то преимущества и т. п. С субъективной стороны, самоорганизация требует выстраивания определенных отношений (социальных коммуникаций) с другими участниками, опирающихся на формальные и неформальные нормы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в конкретных социально-экономических условиях совокупность разнородных интересов участников местного сообщества стремится к балансу отдельных частных и коллективных интересов путем адекватной организации их социальных взаимодействий. Этот баланс интересов обеспечивается и поддерживается формальными и неформальными институтами.

Результатами самоорганизации являются: расширение ее масштабов, накопление опыта и традиций, появление новых форм деятельности, ее организации и управление, вследствие чего возникает необходимость совершенствования существующих регулятивных функций [44], осуществляемых институтами. Последние позволяют участникам достигать своих целей, удовлетворять свои интересы, регулировать их поведение и мотивацию, стабилизировать хозяйственные отношения, согласовывать действия с другими участниками на основе их консолидации. При этом происходящие социальные и экономические процессы ведут к изменениям существующих институтов, их «отмиранию» и возникновению новых [45].

Заключение

Таким образом, основой для понимания процессов самоорганизации населения является социальная практика, в которой отражаются не только природная, географическая, климатическая, этническая экономическая специфика территории, но и социокультурные ценности, во многом определяющие поведение населения.

При этом условия формируют среду реализации проектов самоорганизации местного сообщества, изменение которой требует достаточно продолжительного времени. К ее элементам можно отнести:

- особенности исторически сложившегося местного менталитета населения, его традиций и культуры;
- удаленность территории от крупных региональных центров, в значительной мере затрудняющая постоянную и маятниковую миграцию населения в другие места;
- профессиональный состав населения, в частности особенности организации труда в отраслях, где занята большая часть населения, что определяет, с одной стороны, тесноту их социальных контактов; с другой, способности и возможности смены сферы занятости;
- половозрастная структура местного населения, определяющая потенциал его экономической и публичной активности.

Особенности проектного формирования институтов самоорганизации:

во-первых, самоорганизация является результатом взаимодействия, в связи с чем возникает необходимость совершенствования существующих и появления новых регулятивных функций;

во-вторых, институты самоорганизации носят обязательный к соблюдению установленных правил характер, обязательный для исполнения определенным кругом, что обеспечивается соответствующей системой санкций;

в-третьих, формирование институтов основывается на осознании коллективных целей, направленных на урегулирование взаимоотношений субъектов с внешней средой;

в-четвертых, следование субъектов нормам институтов стимулируется соответствующими санкциями и носит вероятностный характер;

в-пятых, благодаря социальной практике происходит накопление *опыта*, традиций, обычаев делового оборота.

Социальный институт самоорганизации — это признаваемая участниками совместной деятельности система нормативов, возникновение которых обуславливаются, с одной стороны, конкретными условиями социальной практики, с другой — внешними экономическими и социально-политическими факторами

При этом лежащее в основе реализации проекта самоорганизации формирование институтов является длительным процессом и результатом совместной деятельности участников, что мы определили как взаимодействие, в основе которой лежит осознание, с одной стороны, собственных потребностей, с другой — интересов и способов достижения общих целей. В этом смысле самоорганизация является результатом и формой взаимодействия участников.

Дальнейшее развитие проектной формы самоорганизации местных сообществ, по нашему мнению, позволит эффективно решать социальные и экономические проблемы развития локальных территорий, привлекая на проектной основе ресурсы и возможности участия местного населения. Для этого необходимо понимание природы процессов, происходящих в местных сообществах, с учетом их сложности и многообразия.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках исследования, выполняемого при поддержке гранта РФФИ «Экспериментальные институциональные модели автономизации финансов местных сообществ в условиях снижения доверия населения к участию в бюджетном процессе» (№ 19-010-00974 А).

Список литературы

1. Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Актуальные проблемы самоорганизации местных сообществ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2. С. 264—272.
2. Безвиконная Е. В. Категория «местное сообщество» в структуре процессов самоорганизации: историко-концептуальный анализ // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 7(60). С. 10—6. DOI: 10.24158/rep.2018.7.1.
3. Хабаров И. А. Власть, формирующиеся элиты и политическая самоорганизация граждан на локальном уровне // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2015. № 1(14). С. 38—45.
4. Antolín-López R., Jerez-Gómez P., Rengel-Rojas S. B. Uncovering local communities' motivational factors to partner with a nonprofit for social impact: a mixed-methods approach // Journal of Business Research. 2022. Vol. 139. Pp. 564—583. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.10.006.
5. Osborne C., Mayo L., Bussey M. New frontiers in local government community engagement: towards transformative place-based futures // Futures. 2021. Vol. 131. DOI: 10.1016/j.futures.2021.102768.
6. Cuganesan S., Floris M. Investigating perspective taking when infrastructure megaproject teams engage local communities: navigating tensions and balancing perspectives // International Journal of Project Management. 2020. Vol. 38. Is. 3. Pp. 153—164. DOI: 10.1016/j.ijproma.
7. Di Maddaloni F., Davis K. The influence of local community stakeholders in megaprojects: rethinking their inclusiveness to improve project performance // International Journal of Project Management. 2017. Vol. 35. Is. 8. Pp. 1537—1556. DOI: 10.1016/j.ijproman.2017.08.011.
8. Sitkin A. Working for the local community: substantively broader/geographically narrower CSR accounting // Accounting Forum. 2013. Vol. 37. Is. 4. Pp. 315—324. DOI: 10.1016/j.accfor.2013.05.002
9. Rao A., Saksena S. Wildlife tourism and local communities: Evidence from India // Annals of Tourism Research Empirical Insights. 2021. Vol. 2. Is. 1. DOI: 10.1016/j.annale.2021.100016
10. Buckley R. C. Sustainable Tourism in Southern Africa: local communities and natural resources in transition // Annals of Tourism Research. 2010. Vol. 37. Is. 4. Pp. 1210—212. DOI: 10.1016/j.annals.2010.07.012.
11. Mendoza-Moheno J., Cruz-Coria E., González-Cruz T. F. Socio-technical innovation in community-based tourism organizations: a proposal for local development // Technological Forecasting and Social Change. 2021. Vol. 171. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.120949.
12. Hampton M. P. Heritage, local communities and economic development // Annals of Tourism Research. 2005. Vol. 32. Is. 3. Pp. 735—759. DOI: 10.1016/j.annals.2004.10.010.
13. Naidoo P., Sharpley R. Local perceptions of the relative contributions of enclave tourism and agritourism to community well-being: the case of mauritius // Journal of Destination Marketing & Management. 2016. Vol. 5. Is. 1. Pp. 16—25. DOI: 10.1016/j.jdmm.2015.11.002.

14. Ndivo R. M., Cantoni L. Rethinking local community involvement in tourism development // *Annals of Tourism Research*. 2016. Vol. 57. Pp. 275—278. DOI: 10.1016/j.annals.2015.11.014
15. Yousfi H. Reshaping state/local communities' relations in Tunisia: the socio-cultural and institutional challenges of the decentralization project // *European Management Journal*. 2019. Vol. 37. Is. 5. Pp. 625—636. DOI: 10.1016/j.emj.2019.05.002.
16. Marquis C., Battilana J. Acting globally but thinking locally? The enduring influence of local communities on organizations // *Research in Organizational Behavior*. 2009. Vol. 29. Pp. 283—302. DOI: 10.1016/j.riob.2009.06.001.
17. Лаврикова А. А., Шумилова О. Е. Динамика самоорганизации местного сообщества как фактор взаимодействия в системе «власть общество» в регионах-лидерах ЦФО // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2014. № 1. С. 132—139.
18. Fink M., Lang R., Harms R. Local responses to global technological change — contrasting restructuring practices in two rural communities in Austria // *Technological Forecasting and Social Change*. 2013. Vol. 80. Is. 2. Pp. 243—252. DOI: 10.1016/j.techfore.2011.10.001.
19. Eiselt H. A. Community-based operations research: decision modeling for local impact and diverse populations // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2012. Vol. 46. Is. 3. Pp. 247—248. DOI: 10.1016/j.seps.2012.05.001.
20. Kim M., Cho M. Examining the role of sense of community: linking local government public relationships and community-building // *Public Relations Review*. 2019. Vol. 45. Is. 2. Pp. 297—306. DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.02.002.
21. Gertler M. S., Wolfe D. A. Local social knowledge management: community actors, institutions and multilevel governance in regional foresight exercises // *Futures*. 2004. Vol. 36. Is. 1. Pp. 45—65. DOI: 10.1016/S0016-3287(03)00139-3.
22. Бондалетов В. В. Управленческий подход к исследованию общественной самоорганизации местных сообществ // *Материалы Афанасьевских чтений*. 2017. № 3 (20). С. 6—14.
23. Li J., Krishnamurthy S., Roders A. P., van Wesemael P. Community participation in cultural heritage management: a systematic literature review comparing Chinese and international practices // *Cities*. 2020. Vol. 96. DOI: 10.1016/j.cities.2019.102476.
24. Gurău C., Dana L.-P. Environmentally-driven community entrepreneurship: mapping the link between natural environment, local community and entrepreneurship // *Technological Forecasting and Social Change*. 2018. Vol. 129. Pp. 221—231. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.11.023.
25. Marti I., Courpasson D., Barbosa S. D. “Living in the fishbowl”. Generating an entrepreneurial culture in a local community in Argentina // *Journal of Business Venturing*, 2013. Vol. 28. Is. 1. Pp. 10—29. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2011.09.001.
26. Baba S., Mohammad S., Young C. Managing project sustainability in the extractive industries: towards a reciprocity framework for community engagement // *International Journal of Project Management*. 2021. Vol. 39. Is. 8. Pp. 887—901. DOI: 10.1016/j.ijproman.2021.09.002.
27. Fu X., Tang Z. Planning for drought-resilient communities: an evaluation of local comprehensive plans in the fastest growing counties in the US // *Cities*. 2013. Vol. 32. Pp. 60—69. DOI: 10.1016/j.cities.2013.03.001.
28. Sheppard S. R. J., Shaw A., Flanders D., Burch S., Wiek A., Carmichael J., Robinson J., Cohen S. Future visioning of local climate change: a framework for community engagement and planning with scenarios and visualization // *Futures*. 2011. Vol. 43. Is. 4. Pp. 400—412. DOI: 10.1016/j.futures.2011.01.009.
29. Рахманова Л. Я. Соловецкое местное сообщество: самоорганизация против разобщенности // *Арктика и Север*. 2013. № 13. С. 60—63.
30. Larsen K., Gunnarsson-Östling U., Westholm E. Environmental scenarios and local-global level of community engagement: environmental justice, jams, institutions and innovation // *Futures*. 2011. Vol. 43. Is. 4. Pp. 413—423. DOI: 10.1016/j.futures.2011.01.007.
31. Daniel M. M. Local and Community Driven Development approach in the provision of basic facilities in Jos, Nigeria // *Cities*. 2014. Vol. 39. Pp. 99—108. DOI: 10.1016/j.cities.2014.03.003.
32. Carvalho de França Filho G., Torres Silva Júnior J., Scalfoni Rigo A. Solidarity finance through community development banks as a strategy for reshaping local economies: lessons from Banco Palmas // *Revista de Administração*. 2012. Vol. 47. Is. 3. Pp. 500—515. DOI: 10.5700/rausp1054.
33. De Crescenzo V., Botella-Carrubi D., García M. R. Civic crowdfunding: a new opportunity for local governments // *Journal of Business Research*. 2021. Vol. 123. Pp. 580—587. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.10.021.
34. Van Assche K., Gruezmacher M., Vodden K., Gibson R., Deacon L. Reinvention paths and reinvention paradox: Strategic change in western Newfoundland communities // *Futures*. 2021. Vol. 128. DOI: 10.1016/j.futures.2021.102713.
35. Красавина Е. В. Основные подходы к анализу адаптационного механизма молодежи в условиях современного общества // *Человеческий капитал и профессиональное образование*. 2015. № 1 (13). С. 49—58.
36. Безвиконная Е. В. Характеристики коммуникативно-сетевых взаимодействий в структуре муниципального политического пространства // *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий*. 2012. № 1(1). С. 34—41.
37. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Практики гражданского активизма в местных сообществах: мотивация участия и результативность // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 11. С. 174—178.
38. Яковлев А. М. Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988. 165 с.
39. Новокрещёнов А. В. Местное сообщество как самоорганизующаяся система // *Развитие территорий*. 2019. № 2 (16). С. 6—10.
40. Хрипков К. А. Социально-технологический аспект самоорганизации населения в решении вопросов местного значения // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2018. № 9. С. 18—20.

41. Мерсиянова И. В. Институты самоорганизации по месту жительства и качество жизни населения // Журнал исследований социальной политики. 2009. Т. 7. № 4. С. 535—550.
42. Бронштейн С. Б., Мельникова А. С., Орлова Е. А. и др. Оценка социально-экономических последствий ликвидации угольной отрасли на территории Кизеловского угольного бассейна / Российская академия наук, Уральское отделение, Институт экономики. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2006. 142 с.
43. Шеломенцев А. Г., Перминова Н. И., Орлова Е. А. и др. Оценка социальных последствий реструктуризации угольной отрасли на территории пос. Буланаш Артемовского района / Российская академия наук, Уральское отделение, Институт экономики. Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2003. 62 с.
44. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 356—357.
45. Реутов Е. В., Реутова М. Н., Шавырина И. В. Социальная солидарность в установках и практиках населения // Власть. 2016. № 4. С. 94—99.

References

1. Lavrikova A. A., Shumilova O. E. Actual problems of self-organization of local communities. *Aktual'ny'e problemy' gumanitarny'x i estestvenny'x nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2014, no 12-2, pp. 264—272. (In Russ.)
2. Bezikonnaya E. V. Category "local community" in the structure of self-organization processes: historical and conceptual analysis. *Obshchestvo: politika, e'konomika, pravo* [Society: politics, economics, law], 2018, no 7(60), pp. 10—16. DOI: 10.24158/pep.2018.7.1. (In Russ.)
3. Khabarov I. A. Power, emerging elites and political self-organization of citizens at the local level. *Pro Nunc. Sovremennye politicheskie processy'* [Pro Nunc. Modern political processes], 2015, no 1(14), pp. 38—45. (In Russ.)
4. Antolín-López R., Jerez-Gómez P., Rengel-Rojas S. B., 2020. Uncovering local communities' motivational factors to partner with a nonprofit for social impact: a mixed-methods approach. *Journal of Business Research*, vol. 139, pp. 564—583. DOI: 10.1016/j.jbusres.2021.10.006.
5. Osborne C., Mayo L., Bussey M., 2021. New frontiers in local government community engagement: towards transformative place-based futures. *Futures*, 2021, vol. 131. DOI: 10.1016/j.futures.2021.102768.
6. Cuganesan S., Floris M., 2020. Investigating perspective taking when infrastructure megaproject teams engage local communities: navigating tensions and balancing perspectives. *International Journal of Project Management*, vol. 38, is. 3, pp. 153164. DOI: 10.1016/j.ijproma.
7. Di Maddaloni F., Davis K., 2017. The influence of local community stakeholders in megaprojects: rethinking their inclusiveness to improve project performance. *International Journal of Project Management*, vol. 35, is. 8, pp. 1537—1556. DOI: 10.1016/j.ijproman.2017.08.011.
8. Sitkin A., 2013. Working for the local community: substantively broader/geographically narrower CSR accounting. *Accounting Forum*, vol. 37, is. 4, pp. 315—324. DOI: 10.1016/j.accfor.2013.05.002
9. Rao A., Saksena S., 2021. Wildlife tourism and local communities: Evidence from India. *Annals of Tourism Research Empirical Insights*, vol. 2, is. 1. DOI: 10.1016/j.annale.2021.100016
10. Buckley R. C., 2010. Sustainable Tourism in Southern Africa: local communities and natural resources in transition. *Annals of Tourism Research*, vol. 37, is. 4, pp. 1210—1212. DOI: 10.1016/j.annals.2010.07.012.
11. Mendoza-Moheno J., Cruz-Coria E., González-Cruz T. F., 2021. Socio-technical innovation in community-based tourism organizations: a proposal for local development. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 171. DOI: 10.1016/j.techfore.2021.120949.
12. Hampton M. P., 2005. Heritage, local communities and economic development. *Annals of Tourism Research*, vol. 32, is. 3, pp. 735—759. DOI: 10.1016/j.annals.2004.10.010.
13. Naidoo P., Sharpley R., 2016. Local perceptions of the relative contributions of enclave tourism and agritourism to community well-being: the case of mauritius. *Journal of Destination Marketing & Management*, vol. 5, is. 1, pp. 16—25. DOI: 10.1016/j.jdmm.2015.11.002.
14. Ndivo R. M., Cantoni L., 2016. Rethinking local community involvement in tourism development. *Annals of Tourism Research*, vol. 57, pp. 275—78. DOI: 10.1016/j.annals.2015.11.014
15. Yousfi H., 2019. Reshaping state/local communities' relations in Tunisia: the socio-cultural and institutional challenges of the decentralization project. *European Management Journal*, vol. 37, is. 5, pp. 625—636. DOI: 10.1016/j.emj.2019.05.002.
16. Marquis C., Battilana J., 2009. Acting globally but thinking locally? The enduring influence of local communities on organizations. *Research in Organizational Behavior*, vol. 29, pp. 283—302. DOI: 10.1016/j.riob.2009.06.001.
17. Lavrikova A. A., Shumilova O. E. Dynamics of self-organization of the local community as a factor of interaction in the "power society" system in the leading regions of the Central Federal District. *Izvestiya TulGU. Gumanitarny'e nauki* [News of TulSU. Humanities], 2014, no 1, pp. 132—139. (In Russ.)
18. Fink M., Lang R., Harms R., 2013. Local responses to global technological change — contrasting restructuring practices in two rural communities in Austria. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 80, is. 2, pp. 243—252. DOI: 10.1016/j.techfore.2011.10.001.
19. Eiselt H. A., 2012. Community-based operations research: decision modeling for local impact and diverse populations. *Socio-Economic Planning Sciences*, vol. 46, is. 3, pp. 247—48. DOI: 10.1016/j.seps.2012.05.001.

20. Kim M., Cho M., 2019. Examining the role of sense of community: linking local government public relationships and community-building. *Public Relations Review*, vol. 45, is. 2, pp. 297—306. DOI: 10.1016/j.pubrev.2019.02.002.
21. Gertler M. S., Wolfe D. A., 2004. Local social knowledge management: community actors, institutions and multilevel governance in regional foresight exercises. *Futures*, 2004, vol. 36, is. 1, pp. 45—65. DOI: 10.1016/S0016-3287(03)00139-3.
22. Bondaletov V. V. Managerial approach to the study of public self-organization of local communities. *Materialy` Afanas`evskix chtenij* [Materials of Afanasiev readings], 2017, no 3(20), pp. 6—14. (In Russ.)
23. Li J., Krishnamurthy S., Roders A. P., van Wesemael P., 2020. Community participation in cultural heritage management: a systematic literature review comparing Chinese and international practices. *Cities*, 2020, vol. 96. DOI: 10.1016/j.cities.2019.102476.
24. Gurău C., Dana L.-P., 2018. Environmentally-driven community entrepreneurship: mapping the link between natural environment, local community and entrepreneurship. *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 129, pp. 221—231. DOI: 10.1016/j.techfore.2017.11.023.
25. Marti I., Courpasson D., Barbosa S. D., 2013. “Living in the fishbowl”. Generating an entrepreneurial culture in a local community in Argentina. *Journal of Business Venturing*, vol. 28, is. 1, pp. 10—29. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2011.09.001.
26. Baba S., Mohammad S., Young C., 2021. Managing project sustainability in the extractive industries: towards a reciprocity framework for community engagement. *International Journal of Project Management*, vol. 39, is. 8, pp. 887—901. DOI: 10.1016/j.ijproman.2021.09.002.
27. Fu X., Tang Z., 2013. Planning for drought-resilient communities: an evaluation of local comprehensive plans in the fastest growing counties in the US. *Cities*, vol. 32, pp. 60—69. DOI: 10.1016/j.cities.2013.03.001.
28. Sheppard S. R.J., Shaw A., Flanders D., Burch S., Wiek A., Carmichael J., Robinson J., Cohen S., 2011. Future visioning of local climate change: a framework for community engagement and planning with scenarios and visualization. *Futures*, vol. 43, is. 4, pp. 400—412. DOI: 10.1016/j.futures.2011.01.009.
29. Rakhmanova L. Ya. Solovetsky local community: self-organization against disunity. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no 13, pp. 60—63. (In Russ.)
30. Larsen K., Gunnarsson-Östling U., Westholm E., 2011. Environmental scenarios and local-global level of community engagement: environmental justice, jams, institutions and innovation. *Futures*, vol. 43, is. 4, pp. 413—423. DOI: 10.1016/j.futures.2011.01.007.
31. Daniel M. M., 2014. Local and Community Driven Development approach in the provision of basic facilities in Jos, Nigeria. *Cities*, vol. 39, pp. 99—108. DOI: 10.1016/j.cities.2014.03.003.
32. Carvalho de França Filho G., Torres Silva Júnior J., Scalfoni Rigo A., 2012. Solidarity finance through community development banks as a strategy for reshaping local economies: lessons from Banco Palmas. *Revista de Administração*, vol. 47, is. 3, pp. 500—515. DOI: 10.5700/rausp1054.
33. De Crescenzo V., Botella-Carrubi D., García M. R., 2021. Civic crowdfunding: a new opportunity for local governments. *Journal of Business Research*, vol. 123, pp. 580—587. DOI: 10.1016/j.jbusres.2020.10.021.
34. Van Assche, K., Gruezmacher M., Vodden, K., Gibson, R., Deacon L., 2021. Reinvention paths and reinvention paradox: Strategic change in western Newfoundland communities. *Futures*, vol. 128. DOI: 10.1016/j.futures.2021.102713.
35. Krasavina, E. V. The main approaches to the analysis of the mechanism of adaptation of young people in today's society. *Chelovecheskij kapital i professional`noe obrazovanie* [Human capital and vocational education], 2015, no 1(13), pp. 49—58. (In Russ.)
36. Bezikonnaya E. V. Characteristics of communicative-network interactions in the structure of municipal political space. *Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informacionny`x texnologij* [Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies], 2012, no 1(1), pp. 34—41. (In Russ.)
37. Reutov E. V., Reutova M.N., Shavyrina I. V. Practices of civil activism in local communities: motivation of participation and effectiveness. *Social`no-gumanitarny`e znaniya* [Socio-humanitarian knowledge], 2017, no 11, pp. 174—178. (In Russ.)
38. Yakovlev A. M. *Sociologiya e`konomicheskoy prestupnosti* [Sociology of economic crime]. Moscow: The science. 1988. 165 p. (In Russ.)
39. Novokreschenov A. V. Local community as a self-organizing system. *Razvitie territorij* [Development of territories], 2019, no 2(16), pp. 6—10. (In Russ.)
40. Khripkov K. A. Socio-technological aspect of self-organization of the population in solving local issues. *Obshchestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy], 2018, no. 9, pp. 18—20. (In Russ.)
41. Mersiyanova I. V. Institutes of self-organization at the place of residence and the quality of life of the population. *Zhurnal issledovanij social`noj politiki* [Journal of Social Policy Research], 2009, vol. 7, no 4, pp. 535—550. (In Russ.)
42. Bronstein S. B., Melnikova A. S., Orlova E. A., et al. *Otsenka sotsial`no-ekonomicheskikh posledstviy ispol`zovaniya ugol`noy otrasli na territorii Kizelovskogo ugol`nogo basseyna* [Assessment of the socio-economic consequences of the liquidation of the coal industry on the territory of the Kizelovsky coal basin / Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute of Economics]. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006. 142 p. (In Russ.)
43. Shelomentsev A.G., Perminova N.I., Orlova E. A., et al. *Otsenka sotsial`nykh posledstviy restrukturalizatsii ugol`noy otrasli na territorii pos. Bulanash Artemovskogo rayona* [Assessment of the social consequences of the restructuring of the coal industry on the territory of the village of Bulanash, Artemovsky district / Russian Academy of Sciences, Ural Branch, Institute of Economics]. Yekaterinburg: Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003. 62 p. (In Russ.)
44. Marx K., Engels F. *Soch.* [Essays]. 2nd ed. Vol. 25, part II, pp. 356—357. (In Russ.)

45. Reutov E. V., Reutova M. N., Shavyrina I. V. Social solidarity in attitudes and practices of the population. *Vlast'* [Power], 2016, no. 4, pp. 94—99. (In Russ.)

Для цитирования: Шеломенцев А. Г., Гончарова К. С. Институциональные механизмы самоорганизации развития местных сообществ // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2021. Т. 1. Вып. 4. С. 453—465. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-4-453.

For citation: Shelomentsev A. G., Goncharova K. S. Institutional mechanisms of self-organization of a development of local communities. *Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of the Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University*, 2021, vol. 1, issue 4. P. 453—465. DOI: 10.34130/2070-4992-2021-1-4-453 (In Russian).